

Ши Янь принял еду, улыбнулся и поблагодарил, чем вызвал странный взгляд у женщины, но она снова опустила голову и продолжила раздавать еду.

Дядюшка Хань сидел на камне неподалеку и махнул ему рукой. Ши Янь с лотком в руках направился к нему.

— Ох, этот день был настоящим испытанием, — пожаловался Дядюшка Ли, разминая плечи и поясницу, с трудом выпрямляясь и кривясь от боли. — Сегодня вечером придется наклеить несколько пластырей, иначе завтра не смогу встать.

— Да, это не человеческая работа. Ши Янь, ты устал? — спросил Дядюшка Хань, заметив, что Ши Янь молча набивает рот.

Ши Янь улыбнулся:

— Устал, конечно устал. Деньги же не заработаешь, если не устанешь. — Он продолжал быстро есть, видимо, сильно проголодался.

Дядюшка Сунь, который до этого не разговаривал со Ши Янем, вдруг заговорил:

— Мы, старики, уже в таком возрасте, а Ши Янь всё понимает. Усталость есть, но и денег больше. Дети уже выросли, скоро женить надо, и как бы ни было тяжело, надо еще поработать, пока есть силы. Когда сын обзаведется семьей, можно будет заняться земледелием и наслаждаться спокойной жизнью.

Дядюшка Ли кивнул:

— Да, ты прав. Мы так трудимся ради детей. Но Ши Янь тоже так усердно работает, что мне, старику, даже стыдно становится. Ну что ж, надо постараться, нельзя же уступать ребенку.

Ши Янь лишь улыбнулся, не отвечая.

Дядюшка Хань спросил:

— А Сюй Цзэ где?

Ши Янь, с набитым ртом, невнятно ответил:

— У дедушки Гуаня, не взял его с собой.

— Правильно, — сказал Дядюшка Хань. — Здесь слишком грязно, детям лучше не приходиться. Кто знает, что у людей на уме, надо быть начеку.

— Угу, — согласился Ши Янь. — Я тоже так думаю.

Помолчав, Ши Янь спросил:

— Дядя, сколько кирпичей вы уложили за утро?

Дядюшка Хань ответил:

— Около сотни. — Дядюшка Ли и Дядюшка Сунь тоже назвали свои цифры, все примерно одинаковые.

Ши Янь кивнул, но в душе чувствовал неудовлетворение. Он предполагал, что сам уложил не больше пятидесяти кирпичей. Несколько раз ему казалось, что он вот-вот задохнется, словно небо обрушилось на него. И хотя прошло всего несколько часов, они казались ему вечностью.

Поставив пустой лоток, Ши Янь глотнул холодной воды, чтобы запихнуть быстро съеденную еду. Прислонившись к стене, он закрыл глаза, наслаждаясь солнцем. Тело было измотано до предела, но дух оставался бодрым. В этот момент он только хотел поскорее вернуться домой и увидеть Сюй Цзэ. Закрыв глаза, он видел перед собой его чистое и милое личико.

— Не засиживайся, потом не сможешь встать, — предупредил Дядюшка Хань. — Встань, поброди немного.

Ши Янь понял. Немного посидев на солнце, он встал и начал разминаться. Прогибаясь назад, он почувствовал, как позвоночник, уставший за утро, будто скрутился.

Ши Янь нахмурился и постучал по лопаткам.

После еды рабочие снова с жаром взялись за работу.

Неизвестно, устало ли тело уже до онемения, но во второй половине дня руки и ноги Ши Яня двигались гораздо проворнее, чем утром. Казалось, он преодолел свои физические пределы, и это приносило странное чувство комфорта, будто он больше не чувствовал усталости. За вторую половину дня он уложил более шестидесяти кирпичей.

Бригадир только записывал количество, и деньги выплачивались не ежедневно, а по окончании работы.

Когда стемнело, Ши Янь закончил работу и решил идти домой.

Дядюшка Хань и другие еще продолжали трудиться, но Ши Янь попрощался и направился в деревню Суньцзя.

Не дойдя до деревни, он увидел Сюй Цзэ, сидящего под большой ивой. Одной рукой он подпирал подбородок, а в другой держал ивовую ветку, бесцельно размахивая ею из стороны в сторону. Его маленькая фигурка казалась одинокой.

Ши Янь почувствовал вину. Он остановился и громко позвал:

— Сюй Цзэ.

Мальчик резко обернулся, и на его лице расплылась широкая улыбка. Он бросил ветку и побежал к Ши Яню.

Ши Янь не обращал внимания на свою грязную одежду. Он тоже скучал по Сюй Цзэ. Увидев, как мальчик бежит к нему, он улыбнулся, раскрыл объятия и крепко обнял его.

— Брат, ты наконец вернулся, — в голосе Сюй Цзэ слышались сдерживаемые слезы.

— Что случилось? — Ши Янь ласково посмотрел на него. Его губы были сухими, и он смочил их, прежде чем поцеловать Сюй Цзэ в голову.

— Брат, я скучал по тебе, — мягко сказал Сюй Цзэ.

Его тихий голос, словно перышко, щекотал сердце Ши Яня. Он не смог сдержать улыбки и

спросил:

— Что, у дедушки Гуаня было плохо?

— Хорошо, — ответил Сюй Цзэ, подняв голову и глядя на Ши Яня. Он обнял его за талию и не отпускал. Его влажные глаза были чистыми и яркими, как небо после дождя. — Но я хотел, чтобы брат был рядом.

Ши Янь почувствовал, как вся усталость исчезла. В этот момент в его сердце был только этот маленький человечек. Все остальное перестало существовать.

На следующее утро его разбудил Сюй Цзэ.

Последствия первого дня тяжелой работы дали о себе знать. Он едва мог пошевелить пальцами. Сюй Цзэ покраснел, но не мог сказать, чтобы брат не ходил на работу. Он только чувствовал себя бесполезным, неспособным помочь брату. Стиснув губы, Сюй Цзэ забрался за спину Ши Яня, подтянул его руку на свою спину и, напрягаясь, помог ему сесть.

— Сюй Цзэ? — Ши Янь, конечно, заметил его покрасневшие глаза, но сейчас ему было трудно даже повернуться. Он только позвал мальчика, стараясь не двигаться.

Сюй Цзэ вылез из-за спины Ши Яня и посмотрел на него.

— Сюй Цзэ не скажет брату «доброе утро»? — улыбнулся Ши Янь.

Сюй Цзэ быстро встал, поцеловал Ши Яня в щеку и громко сказал:

— Брат, доброе утро.

Ши Янь улыбнулся и мягко ответил:

— Доброе утро, Сюй Цзэ.

Сюй Цзэ посмотрел на Ши Яня, словно что-то вспомнив, вдруг вскочил с кровати, набрал воды в миску и осторожно поднес её к Ши Яню:

— Брат, попей воды, у тебя губы потрескались.

Ши Янь смочил губы и кивнул. В первый день он сильно обезвожился, и даже после того, как выпил много воды перед сном, утром горло все еще болело.

Сюй Цзэ не стал ждать, пока Ши Янь возьмет миску, и поднес её к его губам.

Ши Янь улыбнулся, не забирая миску, слегка наклонился, и холодная вода потекла по его сухим губам в горло. Больное горло увлажнилось, и ему стало немного легче. Ши Янь одной рукой взял миску, другой притянул Сюй Цзэ к себе. Он допил воду, поставил миску в сторону и с трудом посадил Сюй Цзэ к себе на колени, пощипав его за нос.

— Брат, ты очень устал? — с беспокойством спросил Сюй Цзэ.

— Угу, ничего. Я раньше не занимался такой тяжелой работой, поэтому первый день всегда самый трудный. Через пару дней привыкну, и тогда Сюй Цзэ будет ждать меня у деревни, и я смогу понести тебя домой, — честно ответил Ши Янь.

— Правда? — Сюй Цзэ широко раскрыл глаза.

— Конечно, — Ши Янь наклонился и поцеловал его в нос. — Вчерашние задания ты выполнил хорошо, сегодня снова пойдешь к дедушке Гуаню, будешь вести себя хорошо?

— Угу, — Сюй Цзэ не стал, как вчера, упрячиться, а послушно согласился.

— Сюй Цзэ такой умница, — улыбнулся Ши Янь.

Опираясь на кровать, Ши Янь постучал по ногам и встал. Вместе с Сюй Цзэ они почистили зубы, умылись и начали утреннюю пробежку. Было еще темно, и Ши Янь, слушая дыхание и шаги Сюй Цзэ, замедлил бег, чтобы бежать рядом.

Запястья, локти, плечи, поясница, колени и лодыжки болели, и бег давался Ши Яню с трудом. Наконец, закончив пробежку, он умылся в реке и плеснул холодной водой на больные места, что принесло некоторое облегчение.

Приведя Сюй Цзэ к старику Гуаню позавтракать, Ши Янь под его взглядом направился за пределы деревни.

Второй день работы был похож на первый, единственное отличие — Ши Янь двигался медленнее. С рассвета до заката, за вычетом обеденного перерыва, он уложил около шестидесяти кирпичей.

Однако Дядюшка Хань и другие тоже работали хуже, чем в первый день.

<http://bllate.org/book/16628/1522883>